

заразы здоровыхъ и наконецъ, о просвѣщеніи свѣтомъ вѣры Христовой окружающихъ насъ язычниковъ. Не составляетъ ли все это предметъ сердечныхъ желаній и для каждаго преданнаго сына церкви, стремящагося къ укладу жизни на началахъ ею указанныхъ? Какъ же поэтому не чтить намъ своего Архипастыря и не содѣйствовать своимъ повиновеніемъ исполненію его предначертаній? Не будемъ забывать того, что недостатокъ въ насъ должной любви къ Архипастырю и повиновенія ему, являясь въ нѣкоемъ смыслѣ „отмытіемъ Христа“ (Лук. 10, 16), оскорбляетъ Архипастыря и побуждаетъ его, какъ говоритъ Апостолъ, дѣлать свое дѣло „съ воздыханіемъ“, что для насъ не полезно. Да дастъ же намъ Господь принять къ сердцу и по истинѣ исполнить наставленіе и прошеніе Апостола: *молимъ вы, братіе, знайте трудящихся у васъ и настоятелей вашихъ о Господѣ, и наказующихъ вы и имйте ихъ по презлихи въ любви за дѣло ихъ.* Движимые такою любовію помолимся же съ усердіемъ о своемъ Архипастырѣ — Отцѣ, да сохранить его Господь цѣла, здрава, долгоденствующа, право правяща слово Божественной истины. Аминь.

Протоіерей *Петръ Ильинскій.*

Причины религіознаго индифферентизма въ современномъ обществѣ.

(Публичное чтеніе въ залѣ Астраханской д. Семинаріи въ пользу Попечительства о бѣдныхъ ученикахъ Семинаріи).

(Прод. См. № 18 А. Е. В).

Весьма многого лишается индифферентистъ своимъ отношеніемъ къ христіанству. Въ христіанствѣ человѣкъ получаетъ полное удовлетвореніе всѣхъ своихъ истинно человѣческихъ потребностей. Такъ у каждаго рано или поздно являются такъ называемые метафизическіе вопросы. Исторія и опытъ свидѣтельствуютъ, что нѣтъ ни одного человѣка, который бы не задавался вопросами: какъ должно представлять себѣ безусловное бытіе, которое само собою предполагается за условнымъ и конечнымъ? Кому

или чему все существующее обязано первоначальнымъ своимъ происхожденіемъ? Какая высшая сила поддерживаетъ бытіе все-ленной и управляетъ ею? Для чего существуетъ этотъ міръ? Какое положеніе въ немъ человѣка? Откуда и какъ явился человѣкъ на землѣ? Каково его назначеніе и послѣдняя судьба? Откуда въ міръ зло? и т. п. И вопросы эти—не вопросы простой любознательности, а возбуждаются самыми существенными интересами нашей жизни. Не смотря на непобѣдимую трудность ихъ рѣшенія, отказаться отъ такихъ вопросовъ нельзя, не отказываясь отъ разумной человѣческой жизни. Можно по праву называться человѣкомъ и жить достойнымъ человѣка образомъ, не зная психологіи, фізіологіи, зоологіи, ботаники, минералогіи, космографіи и т. д., но нельзя быть тѣмъ же безъ знанія того, что служить отвѣтомъ на указанные вопросы. Только при полномъ огрубѣніи въ духовномъ отношеніи и ниспаденіи по характеру своей духовной жизни до животнаго состоянія человѣкъ перестаетъ интересоваться ими, или тревожиться надъ ихъ разрѣшеніемъ. Христіанство даетъ опредѣленный, ясный и авторитетный отвѣтъ на всѣ эти вопросы, создаетъ извѣстное міровоззрѣніе, которое полагается въ основу всей жизни и служитъ въ истинномъ христіанствѣ тою твердынею могучаго христіанскаго духа, которымъ онъ противостоитъ всѣмъ превратностямъ и несчастнымъ обстоятельствамъ жизни. Но величайшею нравственною силою догматы христіанскіе въ человѣческомъ духѣ являются только въ томъ случаѣ, когда они дѣлаются глубочайшими внутренними убѣжденіями человѣка, всецѣло захватываютъ его и получаютъ первенствующее и господствующее въ ряду другихъ познаній мѣсто; христіанство требуетъ отъ своихъ послѣдователей именно вѣры въ догматы, т. е. непоколебимаго внутренняго убѣжденія, всецѣлаго и горячаго, совершенно противоположнаго знанію—холодному и отрывочному, большею частію, только вѣроятному и почти всегда имѣющему только виѣшнее отношеніе къ настроенію человѣка. Индифферентистъ; безразлично относящійся къ христіанскимъ догматамъ и не принявшій мѣръ къ воспитанію въ себѣ христіанскихъ убѣжденій, не имѣетъ въ своемъ міровоззрѣніи устой-

чивости; въ чемъ онъ найдетъ разгадку вѣковѣчныхъ вопросовъ, успокоеніе и твердую опору митущемуся и требующему ясныхъ отвѣтовъ духу своему?— Не въ естествознаніи ли?.. Но естествознаніе имѣетъ дѣло съ частичными явленіями природы и совершенно не касается такъ называемыхъ метафизическихъ вопросовъ.— Не въ философіи ли?— Но философія, хотя и пытается рѣшить вопросы, мучащіе человѣка, никогда не могла и не можетъ по самому существу дѣла рѣшить ихъ съ полною несомнѣнностью и тѣмъ болѣе не можетъ создать убѣжденія въ философскихъ истинахъ въ тѣхъ, кто ихъ принимаетъ. Никогда не можетъ человѣкъ найти ихъ рѣшенія и въ собственномъ духѣ, ограниченномъ и никогда не способномъ проникнуть въ тайны неба и земли и разобраться въ хаосѣ противорѣчій, представляемомъ человѣческою жизнію. Все это можетъ создать только христіанство, и индифферентистъ, не имѣющій твердаго убѣжденія въ христіанскихъ догматахъ и относящійся къ нимъ внѣшнимъ образомъ, остается безотвѣтенъ предъ запросами своего духа;— и пока внѣшнія обстоятельства жизни складываются такъ, что заглушаютъ эти запросы, онъ до нѣкоторой степени можетъ быть спокоенъ; но лишь только земное счастье измѣняется человѣку, лишь только тѣлесное здоровье и красота начинаютъ разрушаться какою—нибудь болѣзнію и разнообразныя бѣдствія и страданія, которыми такъ богата наша жизнь, какъ волны нахлынуть на человѣка и разрушать все его благосостояніе, — тогда то недостатокъ горячей вѣры, твердыхъ религіозныхъ убѣжденій скажется во всей силѣ; въ чемъ тогда искать опоры человѣку, привыкшему къ религіи относиться внѣшне, холодно, — не полагать въ христіанскихъ истинахъ основы своей жизни, внутреннихъ двигателей своего настроенія?.. А сколько истинно великихъ чувствъ, неземныхъ восторговъ, благоговѣйнаго трепета и высочайшаго блаженства, которые достаются въ удѣлъ ревностному христіанину послѣ горячей молитвы, достойнаго причащенія св. Таинъ отъ чувства живаго общенія съ Богомъ, — лишаетъ себя индифферентистъ! Какъ бѣдно его было содержаніе духовное, устранившее религіозную вѣру, — какъ ограниченны его интересы, вращающіеся

въ земныхъ условіяхъ,—какъ ничтожны его стремленія по пути прогресса и культуры, когда идеаломъ ихъ считаются не стремленія къ безконечному усовершенствованію духа человѣческаго въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Богомъ, какъ учить христіанство, а достиженіе возможно большихъ благъ земной жизни, возможно полное удовлетвореніе чисто чувственныхъ потребностей земнаго благополучія. Безотрадно нравственное состояніе человѣка, живущаго безъ Бога; создавая себѣ новые кумиры, которымъ отдаетъ и сердце и всѣ силы души, и устраняя религію, какъ основу своей жизни и идеаль всѣхъ стремленій, человѣкъ идетъ въ полный разрѣзъ съ своей природой и ставитъ послѣднюю въ полное противорѣчіе съ ея истинными задачами и потребностями. Стремленія человѣческія безконечны; какую бы область ни возьмите—знанія ли, наслажденія, нравственную дѣятельность, во всемъ этомъ человѣкъ никогда не можетъ поставить себѣ опредѣленную границу,—все новыя и новыя перспективы болѣе совершеннаго будущаго манять впередъ; вотъ почему ничто земное, ограниченное, имѣющее конецъ не удовлетворяетъ человѣка; можетъ ли поэтому человѣкъ быть спокойнымъ, довольнымъ и счастливымъ безъ ближайшаго общенія съ Богомъ, которое дается только въ христіанской религіи, гдѣ Богъ принимаетъ на себя плоть человѣка и становится понятнымъ и виднымъ для всѣхъ образцомъ и неистощимымъ источникомъ истины, жизни и счастья. „Наше сердце создано для Бога, и потому оно беспокоится до тѣхъ поръ, пока успокоится въ Богѣ“. „Тамъ, гдѣ не достааетъ Бога, говоритъ Навиль, гдѣ ослаблена или порвана связь съ источникомъ радости, вы увидите богатаго изъ богатыхъ, самаго счастливейшаго честолюбца, человѣка знатнаго съ самою громкою славою,—вы увидите, какъ онъ изнемогаетъ подъ тяжелымъ игомъ недовольства. Ихъ чело, на которое не сходитъ небесный лучъ, покрыто морщинами скорби. Еслибы они вступили съ вами въ разговоръ, вы услышали бы отъ этихъ людей слова и воздыханія: все это не насыщаетъ, мы преслѣдуемъ химеры. Однако они продолжаютъ бѣгать за этими химерами. Они говорятъ: суета, суета! и не перестаютъ преслѣдовать эту суету. Они убѣгаютъ самихъ себя; но если бы

они вошли въ себя, они нашли бы тамъ скуку, неизрѣченную скуку, которая есть ничто иное, какъ чувство пустоты въ глубинѣ души, пустоты на мѣстѣ святомъ, на мѣстѣ Бога въ душѣ“. Душа получаетъ полное развитіе своей жизни, во всю свойственную ей природѣ широту единственно въ томъ только случаѣ, когда стремится къ Богу, безконечному идеалу, къ живому союзу съ нимъ, чтобы въ этомъ союзѣ почерпать изъ полноты Его всесовершенной жизни недостающее нашей ограниченности и поврежденной природѣ,—и тогда оживетъ душа человѣческая“. Естественнымъ результатомъ вѣшняго холоднаго отношенія къ христіанству и является величайшій нравственный педугъ времени—скука жизнию, безотрадный, мрачный взглядъ на жизнь, когда все окружающее человѣка становится ему постылымъ, когда человѣкъ тяготится самою жизнью: „скука жизнию есть вопль души, запертой въ тѣсномъ кругѣ міра чувственнаго и ищущей выхода на просторъ широту міра духовнаго, вѣчнаго, безграничнаго“. Никакими усиліями не заглушить человѣку этого порыва къ Богу,—это не результатъ воспитанія, это не искусственно созданное влеченіе, это вытекаетъ изъ самой природы души, по природѣ христіанки,—въ этихъ стремленіяхъ къ идеальному, вѣчному, къ Богу—проявляется истинная жизнь души; не удовлетворяютъ этимъ стремленіямъ и не развиваютъ ихъ въ себѣ—значитъ липать душу свойственной ей жизни, убивать ее. „Индифферентистъ тяготится жизнью, скучаетъ,—это ясно, что жизнь его стѣснена,—онъ не чувствуетъ наслажденія, сопровождающаго ея развитіе и расширение; онъ не чувствуетъ въ себѣ и силъ для борьбы за жизнь, потому что онъ сдавленъ въ стѣсненномъ кругѣ жизни; онъ не видитъ, за что и для чего ему бороться, потому что не знаетъ, для чего живетъ; его не утѣшаетъ надежда успѣха и торжество побѣды въ борьбѣ, потому что не знаетъ, что онъ найдетъ послѣ борьбы и побѣды“. Древніе язычники и особенно лучшіе изъ нихъ томилась и тосковали въ этой тѣснотѣ міра вещественнаго, гдѣ цѣли не соотвѣтствуютъ порывамъ души, гдѣ блага непрочно, наслажденія мимолетны, жизнь коротка, томилась, потому что не находили выхода“. Современный

человѣкъ переживаетъ ту же пустоту, скуку и томленіе, но потому уже, что самъ устраняетъ изъ своихъ убѣжденій, настроеній и жизни христіанскія религіозныя истины, которыя въ состояніи осмыслить его жизнь, наполнить истиннымъ содержаніемъ его душу и при всякихъ условіяхъ жизни сдѣлать довольнымъ и счастливымъ. Печальное, безотрадное явленіе, невольно заставляющее насъ вдумываться въ него внимательно, отыскивать причины и исходъ изъ него. Почему въ самомъ дѣлѣ современный человѣкъ, отзывчивый къ различнымъ научнымъ открытіямъ, относящійся съ интересомъ къ созданіямъ искусства, съ особеннымъ вниманіемъ усвоющій все, относящееся къ матеріальному благосостоянію, — къ христіанской религіи относится какъ-то безучастно, тогда какъ въ ней именно заключается все сокровище нашей жизни, и, отрицаясь ея благотворнаго вліянія, переживаетъ всѣ нравственныя невзгоды жизни безъ утѣшенія религіи;... злая иронія надъ человѣкомъ! искать всюду счастья и миновать именно ту область, которая одна только и можетъ доставить человѣку истинное счастье.

Разгадку такого или иного отношенія нашего къ христіанской религіи, какъ явленія внутренней жизни, конечно необходимо искать на психологической почвѣ. Въ настоящемъ случаѣ намъ нѣтъ нужды излагать добытыя психологіею данныя о жизни души, о ея способностяхъ; это далеко вывело бы насъ за границы нашего чтенія, тѣмъ болѣе, что всѣ эти данныя въ общихъ своихъ основаніяхъ извѣстны каждому образованному человѣку. Для насъ достаточно обратить вниманіе на ту сторону въ нашей душевной жизни, которой обуславливается именно религіозная жизнь человѣка. По ученію св. Писанія и по признанію тѣхъ лицъ, которыя извѣстны богатымъ развитіемъ въ себѣ истиннорелигіозной настроенности и слѣдовательно вполне авторитетныхъ въ рѣшеніи этого вопроса, — главной основой, изъ которой выходитъ и на которой утверждается христіанская настроенность, является не умъ, который, по выраженію проф. Снегирева, „только отражаетъ въ идеальныхъ формахъ реальное или дѣйствительность (Психологія 272 стр.), и не воля, которая только переноситъ внутреннее содержаніе душевной жизни во

внѣшній міръ (619 стр.); а сердце. По ученію слова Божія, мы „приближаемся къ Богу съ сердцемъ искреннимъ“ (Евр. X 22). „Мы тогда только найдемъ Бога, когда ищемъ Его отъ всего своего сердца“ (Втор. IV. 29; Іер. XXIX. 13). I. Христосъ устанавливаетъ тѣсную связь познанія Бога съ сердцемъ, когда говоритъ: „блаженіи чистиі сердцемъ, яко тии Бога узрятъ“ (М. V. 8). Всякому, кто хотя немного наблюдалъ надъ собой, извѣстно, что особенность дѣятельности сердца составляетъ возбужденіе или волненіе, какое душа переживаетъ при великомъ психическомъ актѣ; „подъ вліяніемъ каждаго своего измѣненія, душа какъ бы колеблется всѣмъ своимъ существомъ“; несомнѣнно, что въ этомъ явленіи сказывается отзывчивость души на всѣ явленія; душа такъ или иначе отзывается на всякое привходящее въ содержаніе ея жизни явленіе, подобно тому, какъ и тѣло человѣка не относится безучастно ко всякимъ внѣшнимъ вліяніямъ на него. Душѣ нашей присуща извѣстная норма жизни; истинная жизнь души состоитъ въ развитіи, соответствующемъ этой нормѣ,—и нарушеніе ея сопровождается тяжелымъ чувствомъ лишенія жизни, умирающаго; когда душа встрѣчается съ явленіями, нарушающими норму ея жизни, то возникаютъ чувства недовольствія, гнѣва, скорби и другія непріятныя волненія; наоборотъ, если душа переживаетъ моменты, возвышающіе ея жизнѣдѣтельность, соответствующіе ея нормальной жизни, а слѣдовательно и ея благу, появляются чувства пріятныя—радости, удовольствія. Душа инстинктивно отзывается на все, что соответствуетъ этой нормальной жизни души, невольно влечется къ этому и находитъ въ немъ для себя довольство и счастье. Эта-то способность души отзываться на всякое новое явленіе въ своей жизни такъ сказать, всецѣло, всѣмъ своимъ существомъ и принято называть сердцемъ, а проявленія его обыкновенно называютъ чувствами. Слѣдовательно сердце является какъ бы показателемъ нормальной истинной жизни души, и въ этомъ состоитъ величайшее его значеніе. Оно открываетъ намъ то, что составляетъ истинное добро для души, что способствуетъ ея правильному росту, преуспѣванію,— и отвращаетъ отъ всего того, что можетъ внести разстройство

въ душевную жизнь. Такъ напр., сердце всегда влечется къ любви, потому что любовь, какъ зиждительная сила, соотвѣтствуетъ природѣ души; но она инстинктивно отвращается отъ раздора, злобы, ненависти, какъ вносящихъ разстройство въ душевную жизнь. Но такъ бываетъ только конечно при нормальномъ состояніи сердца и потому на нравственной обязанности каждаго, желающаго постоянно слышать эти заявленія объ истинной жизни души, чтобы жить этою истинною жизнью, лежитъ забота о томъ, чтобы сердце являлось именно нормальнымъ показателемъ, чтобы оно открывало намъ истину, чтобы сочувственно отзывалось на то, что дѣйствительно составляетъ добро, а не получало бы, какъ часто и бываетъ, обратнаго развитія, — а это все достигается правильнымъ и систематическимъ воспитаніемъ сердца.

Въ отношеніи нашей души къ религіознымъ истинамъ христіанства сердце является преимущественно главною силою; христіанство представляетъ намъ рядъ такихъ истинъ, которыя непостижимы для ума и еслибы точку опоры для нихъ принятія мы полагали бы только въ умѣ, въ формальной дѣятельности разсудка, то мы безъ труда могли бы ихъ отвергнуть; христіанскія истины, какъ тайны Божественнаго ума, всегда въ себѣ заключаютъ много непостижимаго, совершенно недоступнаго человѣческому уму; но за то христіанскія истины необыкновенно близки и дороги сердцу; отвѣчая основнымъ и глубочайшимъ потребностямъ души, выражая самую жизнь души, соотвѣтствуя ей высочайшимъ интересамъ, — христіанскія истины о Богѣ, о воплощеніи, объ искупленіи, и Личности нашего Искупителя Господа І. Христа, о Его безконечной любви къ роду человѣческому неотразимо воспринимаются всѣмъ существомъ души и вызываютъ въ ней непреодолимое къ себѣ влеченіе; сердце, какъ показатель жизни души, при нормальномъ своемъ развитіи, стремится къ этимъ истинамъ, находитъ въ нихъ для себя опору жизни и высшее счастье. По ученію библейскому, именно въ христіанскихъ истинахъ сердце и должно находить для себя истинную жизнь: „человѣкъ созданъ по образу и подобію Божию“, учитъ Библия, и христіанскія истины являются лишь

частнымъ раскрытіемъ и приложеніемъ къ жизни этого основнаго ученія; согласно этому ученію, нормальная жизнь души возможна только въ живомъ общеніи человѣка съ Богомъ, какъ своимъ первообразомъ, и въ точномъ исполненіи христіанскихъ истинъ; на этомъ основаніи сердцу, какъ выразителю душевной жизни, свойственно имѣть влеченіе къ христіанскимъ догматамъ, находить въ нихъ счастье. Но такъ бываетъ, какъ мы уже сказали, только при нормальномъ развитіи сердца.

Къ сожалѣнію, возможно и весьма часто встрѣчается и ненормальное его развитіе въ этомъ отношеніи. Для религіознаго развитія сердца, для того, чтобы оно не было безучастно къ христіанскимъ истинамъ и всегда отвѣчало соотвѣтствующими волненіями, находило въ нихъ высочайшую цѣнность, совершеннѣйшее благо для человѣка, требуется съ одной стороны религіозное воспитаніе сердца, а съ другой стороны устраненіе изъ жизни сердца всѣхъ постороннихъ элементовъ, которые могли бы ослаблять и парализовать религіозное чувство. Въ этомъ случаѣ развитіе въ насъ религіозной настроенности подчиняется общимъ психологическимъ законамъ, при которыхъ происходитъ развитіе вообще всякаго настроенія. Никакое прочное настроеніе не появляется сразу, — оно есть результатъ цѣлаго ряда предшествующихъ однородныхъ чувствованій. Кому напр., неизвѣстно, что чувство ненависти является слѣдствіемъ ряда отдѣльныхъ фактовъ недоброжелательства къ извѣстному человѣку?.. Но въ то же время никакое настроеніе не можетъ быть прочнымъ, когда одновременно съ нимъ въ душѣ находятъ мѣсто настроенія совершенно противоположнаго характера. Чувство радости тогда бываетъ вполне интенсивнымъ и достаточно послѣдовательнымъ, если одновременно съ нимъ не привносится чувство скорби; послѣднее можетъ ослабить первое и даже окончательно парализовать его. Для развитія религіозной настроенности необходимо тщательное, постоянное воспитаніе въ себѣ религіознаго чувства; христіанскія истины какъ можно чаще должны предноситься человѣку и постоянно поддерживать въ немъ духовные восторги, какіе способны онѣ вызывать; вся жизнь христіанина, его обстановка,

занятія, чтеніе должны быть устроены такъ, чтобы постоянно питать его религіозную настроенность, усиливать ее... Но этого одного недостаточно; необходимо еще, чтобы высокія религіозныя чувствованія святости и любви не встрѣтили себѣ въ душѣ враждебныхъ элементовъ, ослабляющихъ и парализующихъ эти чувства; такими элементами являются аффекты, отрицаемые христіанствомъ; какъ грѣхъ,—напр. гнѣвъ, гордость, ненависть, злоба..., вообще различныя страсти, и эгоистическій складъ душевной настроенности. Какъ въ священномъ Писаніи, такъ и у оо. и писателей церкви страсти являются такимъ элементомъ, который ослабляетъ нашу религіозную настроенность, дѣлаютъ насъ неспособными созерцать всю высоту христіанства и видѣть въ немъ для себя высшую цѣнность. Сердце, свободное отъ страстей—чистое—видитъ Бога, чистому сердцу это также естественно, какъ незасоренному глазу естественно видѣть солнечный свѣтъ; или употребимъ другое сравненіе: „чѣмъ чище вода, говорить св. Тихонъ Задонскій, тѣмъ яснѣе въ ней изображается видъ солнца, или чѣмъ чище зеркало, тѣмъ живѣе изображается подобіе лица, смотрящаго въ него“ (т. 3. стр. 310). Въ подтвержденіе того, что страсти помрачаютъ нашъ духовный взоръ и дѣлаютъ насъ холодными къ христіанскимъ истинамъ, мы можемъ указать на явленіе, пережитое хотя въ слабой степени каждымъ христіаниномъ по надлежащемъ исполненіи христіанскаго поста. Въ самомъ дѣлѣ, кто не чувствовалъ особеннаго подъема духа, усиленія вѣры въ Бога и любви къ Нему послѣ подвиговъ поста и говѣнія, когда человекъ по силѣ своей подавляетъ въ себѣ страсти, измѣняетъ повседневныя условія грѣховной жизни,—вообще когда онъ очищаетъ сердце свое отъ грѣха? Это состояніе не требуетъ объясненія. И христіанская аскетика направлена къ тому, чтобы освободить душу отъ страстей и привести ее въ такое состояніе, въ которомъ она легко можетъ постигать христіанскія истины. Когда сердце привыкло къ христіанскимъ истинамъ, которыя сдѣлались для него обычною стихіею; когда затѣмъ оно найдетъ въ нихъ для себя самое цѣнное сокровище, высочайшее благо,—а это достигается при очищеніи сердца отъ страстей, тогда дѣлается

совершенно немислимымъ индифферентное отношеніе къ христіанству. Объясненіе того, почему страсти препятствуютъ сердцу легко и свободно воспринимать христіанскую истину, заключается въ слѣдующемъ: страсти человѣка, это выраженія грѣховнаго самолюбія или эгоизма, между тѣмъ какъ христіанская религія требуетъ отъ человѣка отреченія отъ своей воли, побуждаетъ совлечься ветхаго человѣка и облечься въ новаго. Эгоизмъ и христіанство—это два совершенно несомвѣстимыя начала, и пока человѣкъ не воспитаетъ полного отвращенія къ требованіямъ своей развращенной природы, до тѣхъ поръ сердце его не можетъ искренно и свободно принимать христіанскія истины. Сердцу надо дать христіанское воспитаніе, развить въ немъ отзывчивость ко всему христіанскому, возбудить, такъ сказать, сочувствіе и пониманіе божественной жизни, тогда положена твердая основа христіанскаго настроенія.

Но еще большее значеніе имѣетъ сердце, какъ регуляторъ, главная движущая сила въ душевной жизни. Дѣло въ томъ, что извѣстныя чувствованія, однажды возникши въ душѣ, оставляютъ въ ней продолжительный слѣдъ и, если они повторяются нѣсколько разъ,—пріобрѣтаютъ огромнѣйшую силу въ душѣ, они создаютъ настроеніе, которое имѣетъ огромное вліяніе на дѣятельность ума и воли; по словамъ проф. Снегирева, „процессъ чувствованій или сердечный является двигателемъ всей душевной жизни и мотивируетъ всѣ ея процессы“ (371 стр.). Очевидно, можно съ полнымъ правомъ сказать, что сердце является центромъ душевной жизни,—дѣятельность ума и воли занимаютъ второстепенное мѣсто. Таково значеніе сердца во всякомъ психическомъ актѣ; такъ, напр., мы всегда особенно охотно узнаемъ и стремимся осуществить въ жизни то, къ чему расположено и влечетъ насъ наше сердце; мы отворачиваемся и не хотимъ часто слышать о такихъ людяхъ, къ которымъ у насъ рядомъ предшествующихъ впечатлѣній сложилось неприятное чувство ненависти. Являясь центромъ душевной жизни, и главнымъ двигателемъ различныхъ ея процессовъ и регуляторомъ дѣятельности ума и воли,—сердце заставляетъ и умъ человѣка внимательно изслѣдовать христіанскую истину и находить новыя

внѣшнія основанія для нея,—а воля человѣческая, желающая обычно того только, что оцѣнено сердцемъ, какъ хорошее и полезное для души, проще только принятое сердцемъ, свободно уже и легко стремится къ Христовой истинѣ. Таковъ идеаль христіанина. Очистивши сердце отъ страстей, онъ пріобрѣтаетъ воспримчивость къ Божественному, находитъ въ немъ наслажденіе; рядомъ разнообразныхъ упражненій по руководству церкви онъ проясняетъ въ себѣ это направленіе, которое у него дѣлается господствующимъ, управляетъ его волею и самый умъ заставляеть развиваться въ томъ же направленіи. Изъ сказаннаго теперь намъ представляется такой выводъ: объясненіе индиффентизма, холоднаго, безразличнаго отношенія нашего общества нужно искать въ ненормальномъ развитіи сердца, въ такомъ порядкѣ современной жизни, который неблагопріятствуетъ христіанскому воспитанію сердца и дѣлаетъ христіанскія истины для сердца чѣмъ—то чужимъ, несущественнымъ....

Препод. Сем. Свящ. *Нилъ Дятковский.*

(Продолженіе будетъ).

Армяне въ Астраханской епархіи, и отношеніе къ нимъ мѣстныхъ Архипастырей въ 18-мъ вѣкѣ.

(Продолженіе См. № 18 «А. Е. В.» 1900 г.).

Получивъ себѣ новый судъ, армяне принимаютъ соотвѣтствующія мѣры къ тому, чтобы дать прочное и совершенно независимое положеніе и своей церкви. Съ этою цѣлію армянскій патріархъ Симеонъ въ 1768 г. испрашиваетъ высочайшую грамоту, закрѣпляющую за нимъ и за преемниками его право «обрѣтающихся въ Россійской имперіи армянскаго народа и закона людей по духовнымъ обстоятельствамъ и церковнымъ обрядамъ имѣть въ своемъ вѣдомствѣ, какъ-то и прежде сего было, и для того когда оныя требуютъ будутъ присылать къ нимъ армянскаго архіепископа или другаго сана изъ духовныхъ персонъ съ письменнымъ отъ него, патріарха, свидѣтельствомъ, безъ котораго оныя инако принимаемы не будутъ». О содержаніи